

ПОСЛЕДНИЕ ИЗВЕСТИЯ

Вчера, 23 июля, т. Сталин принял английского писателя Герберта Уэллса. Беседа длилась около трех часов. (ТАСС).
На Метрострое широко развертывается подготовка и всеобщему съезду советских писателей. Редакция газеты «Ударник Метростроя» организовала конкурс на лучший рассказ, стихотворение и очерк. Лучшие литературные произведения до окончания конкурса будут напечатаны в специальном сборнике «Поэты и прозаики Метростроя» и в газете «Ударник Метростроя».
В жюри конкурса вошли: А. Безыменский, А. Сурков, Маршэты Шагинян, А. Болотников, Гали и Е. Резниченко, рабочие Метростроя тт. Костров и Холод (Роста).

Литературная Газета

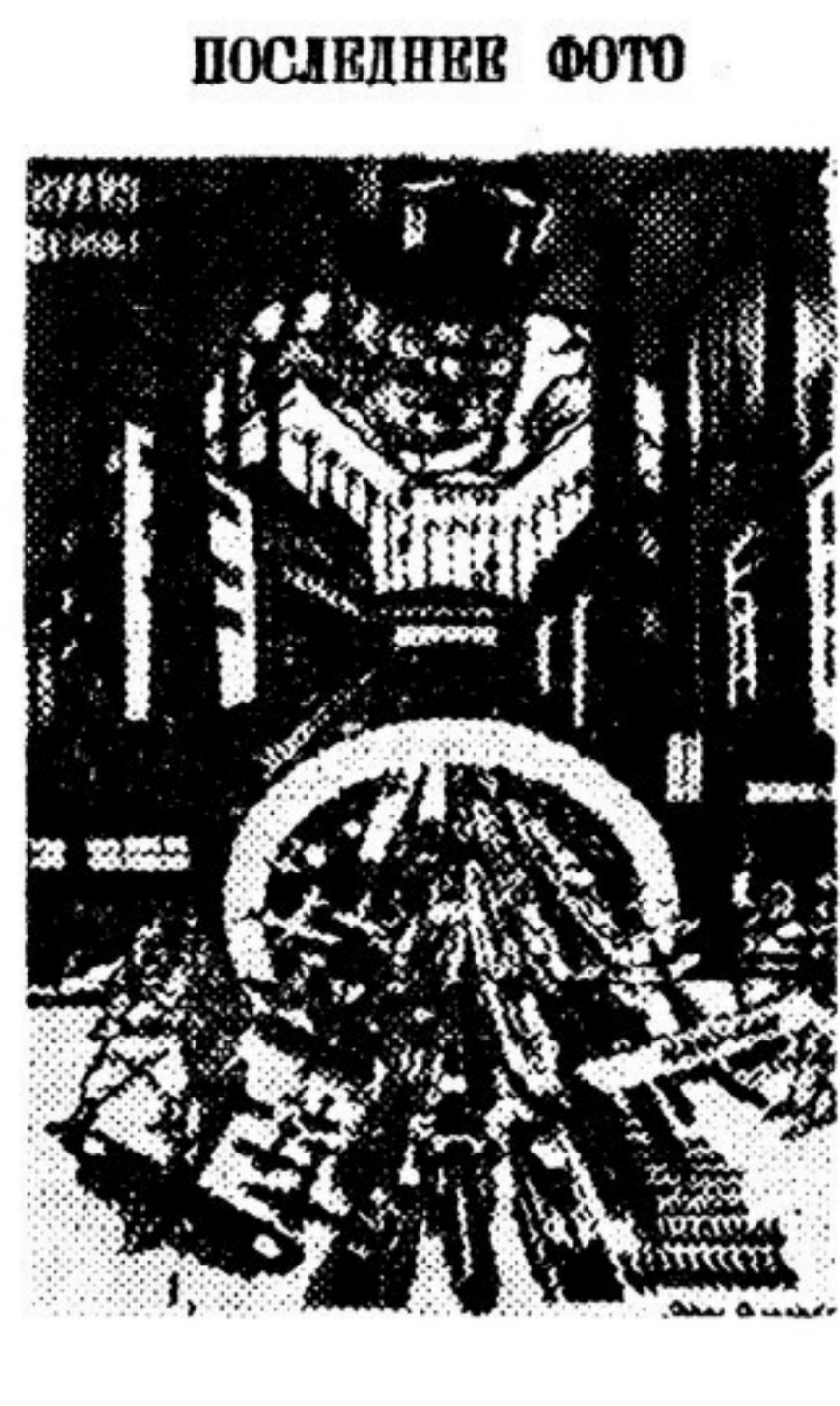
ОРГАН ОРГКОМИТЕТА СОЮЗА СОВЕТСКИХ ПИСАТЕЛЕЙ СССР и РСФСР

ПОД РЕДАКЦИЕЙ Э. БАГРИЦКОГО А. БОЛОТНИКОВА М. КОЛЬЦОВА, В. ЛИДИНА, А. СЕЛЫАНОВСКОГО, Ц. СЕЛЫАНОВСКОГО М. СУВОЙКО, М. СЕРЕБРЯНСКОГО, М. ЧАРНОГО, Е. УСТИНОВА

№ 93 (409)

24 ИЮЛЯ 1934 ГОДА.

ВЫХОДИТ ЧЕРЕЗ ДЕНЬ



Плакат Дени и Долгорукова «Хухня войны», выписанный Изогломом и двадцатипятию мирной империалистической войны.

ВСЕСОЮЗНЫЙ СЪЕЗД — СМОТРСИЛ,

СМОТР ПОБЕД И ДОСТИЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ОБЪЕДИНЕНИЕ ИЗДАТЕЛЬСТВ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

Бурный культурный подем, социалистическая перестройка сознания масс, происходящие в нашей стране на основе великих успехов социалистического строительства, вызывают глубокий интерес к художественной литературе и искусству. Поэтому и такие вопросы, как дело издания художественной литературы, приобрели огромное общественно-политическое, государственное значение. Поэтому именно в настоящий момент эти вопросы ставятся и разрешаются по-новому высшими органами партии и советской власти.

Реорганизация дела издания художественной литературы, предприятия и проведенная Совнаркомом РСФСР в публикуемом сегодня его постановлении, очевидно, назрела давно.

Огромные массы читателей, библиотекари, массовые рабочие, колхозные собрания, десятки раз обсуждавшие вопросы художественной литературы, выявили свою волю иметь лучшие произведения художественной литературы — как классической, так и современной — в достаточном числе, чтобы удовлетворить массовый спрос на них. Совершенно ясно, что произведения художественной литературы нигде в мире так широко не читаются трудящимися, как в стране Советов, — поэтому художественная книга стала самым дефицитным товаром из всей книжной продукции.

Из отчетов книготоргового объединения видно, что в сети его магазинов в прошлом году совершенно нет никаких запасов художественных книг; последние даже не попадают на полки магазинов, а расходятся в несколько дней по получении: только около 2-3 проц. годовой продукции числится как переходящий торговый фонд на начало года, по существу это почти последние поступления книг за 2-3 дня, которые магазины или киоски не успели разобрать и показать потребителю. История книготорговли едва ли знает подобные примеры быстрой распродажи книг!.

Такое положение с достаточной очевидностью говорит о том, в каких условиях необходимо и назрело планомерное расширение дела издания художественной литературы. Совершенно естественно, что в стране планового социалистического хозяйства такое расширение издания должно пойти по испытанной линии укрепления и расширения государственного издательства под непосредственным руководством высших органов партии и советской власти.

Об этом именно и говорит факт создания при СНК РСФСР единого Государственного издательства художественной литературы, выделенного из общей системы издательства и укрепленного подобно особенно важному и ответственного руководству.

Но одновременно с задачей расширения дела издания художественной литературы пред обозначенным и объединением государственных издательств ставится еще более важная задача улучшения качества издаваемых литературных произведений.

ОБ ИЗДАНИИ ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТА НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР

№ 656, 21 июля 1934 г.

СОВЕТ НАРОДНЫХ КОМИССАРОВ РСФСР ПОСТАНОВЛЯЕТ:

- 1. Ввиду возрастающего значения художественной литературы в деле культурного подъема и социалистического воспитания масс, в целях улучшения качества литературных произведений и устранения параллелизма в издательской работе, — создать единое Государственное издательство художественной литературы при Совнаркоме РСФСР на основе объединения издательства ГИХЛ и его ленинградского отделения, выделив их из ОГИЗ'а с издательством «Советская литература».
2. Вплоть в Государственное издательство художественной литературы издательства «Время» (Ленинград) и «Мир» (Москва). Образовать в составе Государственного издательства художественной литературы секции: а) издания классиков СССР и иностранных, б) современной художественной литературы СССР, в) иностранной литературы, г) периодических изданий.
3. Утвердить директором Государственного издательства художественной литературы т. НАКОРЯКОВА Н. Н., его заместителем и главным редактором т. ЛУППОЛА И. И., заведующим секцией издания классиков СССР и иностранных — утвердить т. ЛЕБЕДЕВА-ПОЛЯНСКОГО П. И., секцией современной художественной литературы СССР — т. БЕСПАЛОВА И. И., секцией иностранной литературы — т. ИОНОВА П. Н.
4. Объединение перечисленных издательств и организация Государственного издательства художественной литературы закончить к 1 августа 1934 г.
5. Придираться директору Государственного издательства художественной литературы при СНК РСФСР т. Накорякову к 25 июля с. г. представить на рассмотрение СНК проект положения о вновь организованном издательстве, а также предложения о порядке слияния с этим издательством издательств «Советская литература», «Время» и «Мир».
Зам. Председателя Совета Народных Комиссаров РСФСР Д. ЛЕБЕДЬ
Зам. управляющего делами Совета Народных Комиссаров РСФСР Д. МУРАШОВ

15 АВГУСТА — ОТКРЫТИЕ СЪЕЗДА ПИСАТЕЛЕЙ

Первый всесоюзный съезд советских писателей открывается в Москве 15 августа, в 6 час. вечера.

Съезд будет происходить в Колонном зале Дома союзов и продлится 11—12 дней. В первый же день съезд приступит к деловой работе: 15 августа будет заслушан доклад А. М. ГОРЬКОГО о советской литературе. 16 августа делегаты съезда заслушают доклад С. МАРШАНА о детской литературе и содоклады о литературе национальных республик (Украина, Белоруссия, Азербайджан, Узбекистан, Туркменистан и Таджикистан). Общественные прения по докладу А. М. Горького и по всем содокладам будут проходить 2-3 дня.

Далее съезд заслушает доклады о международной художественной литературе (докладчик — т. НАРЛ РАДЕК), о советской драматургии (докладчик — В. КИРПОТИН, А. ТОЛСТОЙ, В. КИРШОН, Н. ПОГОДИН), о советской поэзии (докладчик Н. И. БУХАРИН и Н. ТИХОНОВ), о работе с молодыми писателями (докладчик В. СТАВСКИЙ и К. ГОРБУНОВ) и об уставе союза советских писателей (докладчик П. ЮДИН). Затем состоится выборы руководящих органов союза советских писателей.

Утверждена оргкомиссия съезда советских писателей.

В состав оргкомиссии входят тт. П. ЮДИН, В. КИРПОТИН, В. СТАВСКИЙ, А. ФАДЕЕВ, ВС. ИВАНОВ, И. МИКИТЕНКО, И. КУЛИК, М. КЛИМОВИЧ, Н. ТИХОНОВ, М. КОЛЬЦОВ, И. АЛЬТМАН, Д. ЛЯШКЕВИЧ и Я. ХАПАЛОВ.

Всего на съезде будет 500 делегатов, 325 делегатов с решающим голосом, остальные с совещательным.

На 2 августа созывается общесоюзное собрание советских писателей для выборов мюльковских делегатов на всесоюзный писательский съезд.

С докладом на этом собрании выступит т. П. ЮДИН.

В дни писательского съезда намечено провести ряд встреч делегатов съезда с архитекторами, композиторами и учеными.

Делегаты съезда посетят и осмотрят шахты Метростроя, автозавод им. Сталина (бывш. АМО), аэропорт и самолет-гигант «Максим Горький», выставку «Наши достижения», Центральный аэрогидрометрический институт и строительство канала Волга—Москва.

Предстоит также массовая трудящихся в Центральном парке культуры и отдыха, посвященная встрече с делегатами писательского съезда.

Московские театры, зрелищные предприятия и киноорганизации готовятся показать делегатам всеобщего писательского съезда свои наиболее интересные последние работы.

Оргкомиссия доводит до сведения оргкомитетов и правлений ССП следующие:

- 1. Мандаты с решающим и совещательным голосом будут выдаваться Оргкомиссией съезда с 10 августа ежедневно с 12 до 6 ч. по предъявлению выписок протоколов местных съездов и конференций с указанием фамилий избранных делегатов.
2. Гостевые билеты будут своевременно разосланы по организациям и отдельным товарищам, что без согласования с местными правлениями союза СП гостевые билеты выдаваться не будут.
3. Общественным и питанием на делегаты съезда не обеспечиваются. Телефоны комиссии 3-10-76, 3-92-91

ВЫСТАВКА «16 ЛЕТ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ»

В последних числах июля в помещении кинотеатра Центрального парка культуры и отдыха им. Горького открылся приурочиваемая к всеобщему съезду писателей большая выставка «16 лет советской литературы», организованная Оргкомитетом ССП СССР.

Выставка открывается за 15—20 дней до съезда с таким расчетом, чтобы ее материалы и оборудованная при выставке специальная киноаппаратура еще в предсъездовский период могли быть использованы для массовой работы с читателем и пропаганды предстоящего всеобщего писательского съезда.

Выставка состоит из 13 больших отделов. Ее экспонатами являются книги, рукописи, плакаты, макеты, графика, фото, книжные обложки и иллюстрации, газетные вырезки, письма, документы и т. п. В числе 12.000 книг, собранных комитетом выставки, есть ряд редчайших уникальных изданий, специально предоставленных для выставки Публичной библиотекой СССР им. Ленина.

Первый раздел выставки называется «Классики марксизма о литературе». Здесь будут представлены высказывания Маркса, Энгельса, Ленина и Сталина о литературе, использование художественной литературы в политических речах и философских работах.

Следующий раздел выставки целиком посвящен Горькому. Здесь будут показаны международное значение Горького, его воспитательная роль по отношению к революционному и пролетарским писателям Запады, и его связи с передовой зарубежной интеллигенцией. Кроме статей Горького и о Горьком здесь в разнообразных литературных, документальных и фото-материалах будет показан весь жизненный, творческий и революционный путь Горького вплоть до его работы на посту председателя Всесоюзного оргкомитета советских писателей.

Эпоха военного коммунизма составляет тему третьего раздела выставки. Сюда войдут агитлитература, первые революционные издания, работа агитпунктов, окна РОСТА. Большое место займут в этом разделе работы В. Маяковского. Основная значительная часть творчества Маяковского, театр Маяковского, движение ЛЕФА, — будут помещены в следующем разделе, посвященном литературе всеобщего периода. Здесь же будет показано начало роста пролетарской литературы, организация работы с молодым автором, первое появление оборонной литературы.

Оборонной литературе в целом посвящен следующий раздел выставки, в котором будут отражены деятельность ЛОКАФ, рост литературного движения в Красной армии и флоте, появление в советской литературе крупных писателей, вышедших из рядов РККА.

Большое место отводится отделу детской литературы. Здесь будут показаны рост продукции советской детской книги, углубление ее тематики, борьба с беспринципностью и без-

идейным приключенчеством в детской литературе, рост произведений, отражающих реалистическую романтику социалистического строительства. Здесь же будут широко представлены графика и рисунок в детской книге и детский школьный книжный плакат. Здесь же разместятся и экспонаты — макеты и куклы — Детского театра книги им. Халатова.

В самом центре выставки располагается большой отдел, характеризующий последние годы советской литературы за последние два года, прошедшие после постановления ЦК ВЦИК от 23 апреля 1932 г. Здесь будут показаны широкий рост советской литературы, широта ее тематического охвата, рост листаж, широкая активизация авторских кадров, появление первых книг, создаваемых авторскими коллективами.

В отделе драматургии будет выставлена вся советская драматургическая продукция, начиная от первых агиток Гандурина и пьес Луначарского — через юбилейную дату десятилетия Октября в 1927 году — к недавно закончившемуся всеобщему правительственному конкурсу на лучшую пьесу. Здесь будут показаны и работа авторов в театре, и макеты, и эскизы постановок советских пьес в центральных и периферийных театрах, и театральная критика, в том числе и театральные рецензии в заводских многотиражках, и, наконец, рост самих театральных предприятий.

В международном отделе будут выставлены книги революционных писателей Запады, переведенные на русский язык и на языки народов СССР, и книги советских писателей, переведенные на различные языки мира. Здесь же будет показана особая роль СССР в революционизировании переводов писателей капиталистических стран и личная роль Горького в этой области. Особый интерес представляет специально изготовленная Международным объединением революционных писателей большая электрифицированная мировая карта революционной литературы, выставляемая в этом разделе.

Литература народов СССР составляет грандиозный отдел, занимающий одну треть всей выставки и насчитывающий 3.500 томов. Здесь же будут показаны работы комитета нового алфавита при ЦИК СССР, будут широко представлены и художественные иллюстрации работы национальных художников.

Особый раздел выставки посвящается теме «СССР как культурный авангард мира». Здесь будут показаны работа советских библиотек с массовым читателем, рост и активизация читательских масс, разнообразие методов пропаганды книги. Здесь же будет выставлен ряд изданий (в частности издания «Академия»), характеризующих освоение наиболее значительных ценностей мировой культуры в Советской стране.

Полиграфии также посвящается специальный раздел литературной

выставки. Здесь будет показан весь ход производства книги — от древнейших до бумажного листа и от белого листа до сброшюрованной и переплетенной книги с суперобложкой. Ряд фотоматериалов покажет работу гигантов советской полиграфической промышленности, иллюстрируя ее всеобъемлюще от иностранной зависимости.

Заключительным разделом выставки является отдел старой литературы. Здесь будут представлены рукописи, религиозно-нравственная и черносотенно-шовинистическая литература царской России, будут показаны цензурные запрещения и ряд документов, характеризующих репрессии царской охранки против писателей и конфискация литературных произведений.

Все работы по развертыванию выставки осуществляются под руководством выставочного комитета, в состав которого входят тт. И. Альтман, Б. Малин, А. Эфрос, Б. Киреев, Д. Ляшквич.

Методологическая разработка плана выставки сделана бригадой библиографов под руководством тт. Войтенко и Колбановского.

Художественные оформленные выставки по проекту главного художника выставки Е. В. Семеновой и бригады сопролетариев в составе тт. Наумовой, Яковлева, Левина, Классона, Назаренко, Зимина, Роскина, Лебедевой, Иорданского, Ковалева и Зданевич, каждому из которых было поручено оформление различных отделов выставки.

„Наша цель уже недалеко“

Беседа с руководителем издательства „Малик“ тов. В. Герцфельде

В Москве находится в настоящее время прибывший из Праги т. Виланд Герцфельде — один из организаторов известного берлинского революционного издательства «Малик» и руководитель выходящего в Праге антифашистского журнала «Нейе дейтше блеттер».

В беседе с сотрудником «Литературной газеты» т. Герцфельде сообщены ряд интересных фактов о деятельности революционных писателей-эмигрантов в Чехо-Словакии, о плане редактируемого им журнала, а также ряд эпизодов, связанных с возникновением и развитием издательства «Малик».

Издательство это возникло по инициативе Герцфельде и его брата, известного революционного художника Джона Хартфильда, еще в 1916 г., когда им уже была предельная фашистская германская социал-демократии, но не совсем четко рисовавшиеся дальнейшие перспективы революционного развития. Сначала издательство называлось «Новая молодежь». Военные власти быстро распустили основные течения издательства и закрыли его. Чтобы обмануть бдительность военного губернатора фон Касселя, Герцфельде переименовал издательство в «Малик», по названию печатавшегося им тогда романа Эльзы Ласкер-Шаллер. «Малик» означает по-турецки — принц, король, а так как Германия находилась тогда в союзе с Турцией, то губернатор отнесся к переименованию издательства, как к весьма «лояльному» шагу.

Основная задача, которую мы себе поставили, — говорит т. Герцфельде, — было издание произведений левых представителей немецкой литературы, а после Октябрьского переворота — пропаганда лучших достижений советской литературы. Первый советский писатель, с которым мы заключили договор, был В. Маяковский: его поэма «150 000 000» была издана нами в переводе И. Бехера и С. Либнехта, жены К. Либнехта. В течение последующих лет нами были изданы произведения И. Бабеля, Л. Сейфуллиной, М. Шагинян, Велы Инбер, И. Эренбурга, К. Федина, Вс. Иванова, Веры Фигнер и др. Мы присутствовали также в плационном собрании сочинений Максима Горького, являющегося одним из самых любимых писателей немецкого пролетариата. До сих пор вышло уже 18 томов. В период эмиграции нами изданы «Дни гражданской войны в Австрии».

Тов. Герцфельде подробно останавливается на деятельности журнала «Нейе дейтше блеттер», начинающего издавать все более широкие круги интеллигенции и в значительной степени содействующего расширению антифашистского фронта литературы. К сотрудничеству в журнале удалось привлечь почти ряд писателей, недавно ставших почти на правах поэтов. Незадолго до своей смерти помещал в журнале два отрывка из своего последнего романа Янов Вассерман, сотрудничали у нас также Арнольд Цвейг, Вальтер Роде, А. М. Фрей, Герман Кестен, бывшие националистические писатели Бруно фон Саломон (брат известного фашистского писателя Эрнста Саломона) и Бодо Узе. События 30 июня (убийство ген. Шлейхера, Рема и др.) увеличили спрос на наш журнал и обусловили известные сдвиги по направлению к нам также и среди тех германских писателей, которые до сих пор отделивались молчаливо.

В настоящее время руководители издательства «Малик» заняты разработкой плана ближайшей деятельности издательства. Намечены к выпуску две книги Агнесы Смидли «В белом Китае» и «О советском Китае», большой антифашистский роман Отгальма, роман революционного писателя Павла Иленинского «Пелена» (получивший первую премию на правительственном литературном конкурсе в Чехо-Словакии, но только номинально: сумму, предусмотренную премией, автор отказался вручить на том основании, что он коммунист); намечены также к выпуску произведения Романа Роллана, Пильве, роман крупного немецкого революционного писателя, имя которого еще не может быть названо, так как в романе возбуждаются ужасы фашистских концлагерей, а семья этого писателя находится в Германии, и т. д.

В СССР т. Герцфельде приехал впервые. Цель приезда — участие во всеобщем съезде писателей, установление более тесного, непосредственного контакта с советскими художниками, а также и с теми революционными писателями Запады, которые приедут в Москву к открытию съезда.

З. ДЕЛЬМАН.

В МИХАЙЛОВСКОМ И ТРИГОРСКОМ

СТАЦИИ ТРИГОРСКОЙ, 23 июля. (По телеф. от наш. спец. корр.). 22 июля комиссия Академии наук СССР и представители печати коммунистически с составом Пушкинского заповедника в Михайловском и Тригорском.

Впечатление комиссии резюмировал в беседе с нашим корреспондентом директор ИРЭН Академии наук СССР д-р Б. Каменев.

— Теперешнее состояние Пушкинского заповедника удовлетворяет нас

не может. В ближайшее время должны начаться и закончиться с точки зрения со дня смерти поэта большие работы по коренной реконструкции ленинских мест. В частности будут реставрированы материальные памятники, связанные с пребыванием поэта в Михайловском и Тригорском.

В парках будут сооружены памятные доски со строками Пушкина, относящимися к этим местам, должны быть реставрированы Угрюмовский монастырь, где находились могилы Пушкина и Ганибалы.

ГЕРБЕРТ УЭЛЛС В МОСКВЕ

Фото С. Шингарева



Уже задолго до прибытия знаменитого писателя стали собираться в аэропорту представители московской литературной общности, ВОКС'а, журналисты и кинооператоры. Самолет «Друпофта» снизился ровно в 8 ч. 10 м. Собравшиеся приветствуют Герберта Уэллса, в третий раз посещающего нашу страну (в первый раз — 20 лет назад, во второй раз — в 1920 г.) и его сына Джорджа Филиппа Уэллса, молодого ученого, профессора зоологии Лондонского университета. Председатель ВОКС'а тов. Аросев представляет Уэллсу присутствующих писателей. Краткая оживленная беседа. Остроумные реплики английского писателя вызывают взрывы смеха.

Со всех сторон обступают Герберта Уэллса представители печати. Представитель Союзкинохранилища обещают и гостю с просьбой сказать что-нибудь для звукового кино. Но Уэллс немногословен. Улыбаясь, он говорит: «ЛЕНИН ВО ВРЕМЯ НАШЕЙ ВСТРЕЧИ В 1920 Г. СКАЗАЛ МНЕ: «ПРИЕЖДАЙТЕ ЧЕРЕЗ ДВАДЦАТЬ ЛЕТ И ТОГДА ПОСМОТРИТЕ НАШУ СТРАНУ». ПРОШЛО 14 ЛЕТ, НО Я ВСЕ-ТАКИ ПРИЕХАЛ».

Роман о Радичеве

ВЕЧНЫИ СТРАННИК

Ф. ВАЙСКОПФ

Ольга Форш в одном уступила: ее новый роман «Якобинский закат» вышел не полностью, а только в своей первой части.

Писать и оценивать вещи писателю надо, и в то же время известно, что часть не есть целое, что если поэтам дозволены метонимия, то критике «метонимизировать», заменяя частью целое, весьма рискованно. Ибо метод этот грозит совмещением автору предположений критики, что означает, кроме прочего, пренебрежение цельностью художественного произведения.

В данном случае такая опасность была бы особенно реальна. Роман посвящен Радичеву. Первая часть романа раскрывает последние годы Радичева в Лейпциге. Трудно судить по этой части, как будет развиваться сюжет в дальнейшем, когда Радичев будет показан в России. Однако мы можем не пасть духом. И первая часть богата содержанием, определена по замыслу, выразительна по своеобразному стилю. Так что уже начало книги разрешает критику и читателю высказывать свое осознанное впечатление об этой интересной и значительной книге.

Значительная книга. Мы говорим это не для комплимента автору. Основание для такой оценки — само содержание книги, ее Standpunkt, ее основная идея.

Радичев — вот герой книги Форш. Радичев, предмет восторженного удивления и уважения бесмертного Пушкина, искренний и настоящий, а не лицемерный и лживый подражатель великих европейских просветителей среди молчаливых и косметичающих культурностью, но косевших в своей тупой отсталости русских бар. Эти бары были достойны своей партии — Салтычихи на троне, умевшей маскироваться гуманностью, передовым образом мысли, простотой.

Сама уже фактическая сторона этого исторического сюжета полна для нас интереса. Но книгу делает ценной не просто фактическая правдивость биографии Радичева. Культурная среда эпохи, то французского того времени с особым значением именования милье, немцы Империнг, — вот это стремится дать почувствовать нашему читателю истественница. У нас не может быть непростого отношения к прошлому: прошлое это противоречиво, оно заподозрено непримиримым антагонизмом борющихся классов.

Социалистическая культура есть законный наследник всего прогрессивного в культуре прежде господствовавших классов. Традиции пролетариата заветная борьба угнетенных против эксплуататоров.

Понятно, почему такая важная ступень в истории культуры, как движение французских энциклопедистов, немецкое просвещение (Aufklärung) представляют громадный интерес для новой культурной формации, создаваемой победившим пролетариатом в СССР. — социалистической культуры.

Наше культурное строительство протекает в форме культурной революции. Это коренная ломка, всестороннее наступление против самой глубокой — идейной формы сопротивления эксплуататорского прошлого.

История, которая совсем не чужда повторяемости явлений, имеет задолго до нас периоды бурного востания против сил и традиций уходящего прошлого — такова эпоха Ренессанса, таково движение французского и немецкого просвещения. Это были прогрессивные, революционные по своему объективному значению, широчайшие культурные движения.

Но сравнение еще не показательство. И простое сравнение этих культурных течений и нашей великой социалистической культурной революции было бы совершенно бесо-

держательно. Это сравнение лишь один из моментов анализа, уснеяния исключительного своеобразия, несравнимого величия нашей культурной революции.

Самое мощное, действительно потрясающее воздействие на политику оказало умственное течение, созданное энциклопедистами. Вожди французской революции вдохновлялись их идеями. Но все же сами энциклопедисты далеко не целины, последовательны. Не говоря о Руссо, не могшем порвать с религиозно-идеалистическими бреднями, несмотря на честнейший революционно-демократический энтузиазм, самый крупный и самый яркий из энциклопедистов — Лидро не свободен от печати определенной буржуазной ограниченности.

Насколько сильнее и угнетающе выступает эта ограниченность у немецких просветителей, гораздо меньше влиявших на политическую жизнь, гораздо менее острин в борьбе против старин!

Только пролетарская революция, основа нашей культурной революции, придает борьбе против старой культуры всеобъемлющий характер, политическую целенаправленность и последовательность, вытравляет в творчестве новой культуры все многомиллионное трущавое человечество и тем возмужает этой новой культурой ярчайшее пламя первого подлинного освобождения человека.

Вот в этом аспекте приобретает значение для нашей литературы социалистического реализма тема «Якобинского заката». В Лейпциге, где протекает изображаемое действие, автор заставляет пересечься три круга культуры: французское просвещение и немецкое просветительное течение, представленное Лесингом, Гертером и меньшими богами. Уже возникает звезда, еще не разгоревшаяся в ослепляющее время. — Вольфганг Гете. И наконец, под этим всевозрастающим солнцем великих культурных влияний эпохи формируется мировоззрение борна за расширение крестьянства, за подлинное культурное и политическое преобразование России на красно-солдатской, помещичьей в прогрессивно-буржуазную — Радичева.

Лейпциг XVIII в. — немецкий Париж. Форш сумела показать дух этого насквозь бюргерского города, обвинившего высшей добродетелью французскую галантность. Эта галантность, последние французские моды, французский язык — каналы, через которые приходит из Франции в Саксонию дух французского вольнолюбия, живого и дерзкого критического отрицания запятой репутации и пресного морализирования, умная и прямая, остро отвечающая мысль энциклопедистов.

Лучший друг Радичева — Ушаков, ученик Гельвеция. Радичев охватывает себя приверженцем Руссо, Лидро и Рейнада. Не отсюда ли у него блестящая замечательная энциклопедия, до сих пор не оцененные нашими философами? Кутузов читает

Гельвеция, но находится под влиянием парламента-масона Шреффера.

Прякрявшись личной куафери и етершись в общности русских студентов, борется за кутузовскую душу масон-депутат маркиз де Муньи де Муньи и граф Анжуйско борется за проникновение католического влияния в Пруссию и Россию. Они умны и образованы. Но среди немецкого бюргерства действуют люди, привлекающие сердца алхимией чернокнижия, оккультизма. Немских баронов, как простодушных баранов, кинул таинственными парадоксами с мистическими посвящениями и атрибутикой рыцарского прошлого шотландец-масон прохода Джонсон.

Это гниение издыхающего зорянства, нуждающегося в исторических реинкарнациях. Вот вам один отрезок умственной жизни времени.

Молодцы, в среду которой оказываются русские студенты-спиритисты Екаторина, — друтой слой. Студенческая молодежь не однородна. Для одной части ее единственный левиз:

Der Städte Pracht und ihre Namen
Ist nichts, ist blosse Theorie.
Allein in Städten hübsche Mädchen
Küssen
Ist praktische Geo-graphie!

Это — душа лейпцигского бурша. В Виттенберге пыльное веселье — основное занятие студента, в Вене — охотничьи выходы, прежде всего, в Галле же парит «постная мода на ахи и охи». На этом фоне, конечно, выделяется юный Гете и его постоинный спутник Берни. Берни — воплощение моды, фронт, образцовый «галанти», начивенный знаниями и обрамившийся с ними как виртуоз-фехтовальщик, пытающийся стать на энциклопедистами и их противниками. Он дружит с Гете, распывая его гениальность.

Форш мало, сравнительно, говорит о Гете, но диалог Гете и Берни дает чрезвычайно меткую зарисовку, как бы выплывающую на фоне подлинного Гете. Гете с его тончайшим и серьезным переживанием красоты, эле эстетическое неразделение от мудрого, философского понимания и искреннего чувства, весь сказан в слепе со «слабыми деревья». Берни — этот прообраз Мюфшторфа — эстет, но односторонний, злой, индивидуалистически настроенный.

В этой пестрой обстановке, где противотрагичнейшим образом (сцена с казней двух девушек, убивших незаконнорожденного ребенка), смеси мракобесия, пошлости и масонско-изуистских происков, уже двинулся светлый спол французских просветительных идей, уже ринулся лучезарный ум Гете, пробивается социальная и прямая, остро отвечающая мысль энциклопедистов.

Радичев в Лейпциге показан несколько односторонне. Он очень серьезно и деловито — это правдиво. Он занимается лучше других студентом — и понятно: те бьют баклауши и прожигают время. Он связан с немец-

кими подмастерьями, побывавшими во Франции и живущими демократическими чаяниями. Он готовит себя трудолюбиво и с сознанием ответственности к борьбе против тирании скатерничного режима.

Но ведь Радичев молод. Он немного старше 18-летнего Мини Ушакова. Можно предполагать, ему лет 19, чуть больше. Между тем черт юности в молодом Радичеве роман почти не обнаруживает. Он обращен к нам исключительно внутренней, умственной стороной своего существа.

В обрисовке направленной мысли Радичева автор не идет путем показа эволюции этой мысли. Перед нами выступает не развояющаяся, а скорее уже достаточно определенная и устоявшаяся культурно-политическое сознание. Именно на нем поставлено ударение в этой части романа. Философские идеи Радичева здесь пока еще в тени. Моральные, социологические взгляды очерчены ясно. Автор проявляет больше откровенности, чем некоторые старые приверженцы исторической литературы, когда говорит о скорее позитивном, чем прямом идеологическом влиянии на 12-летнего Радичева его гувернера — французского эмигранта, приверженца Руссо.

Писательница, опытная в историческом жанре, Ольга Форш мастерски создает колорит эпохи. Сцена с бегством, который эстет «кично бегает, поминаемый в книге Юова», и который в зверине доном своего хвоста будто бы освобождает от всяких болезней, ярмарка, бюргерский праздник в день встречи курфюрста, когда несчастные толстятя добровольно потеют, навалившая на себя феодальное военное облачение и стоя в потевой страже, спенки в кафе, воскресные прогулки, «свободные женщины», живущие еще по всем нормам средневековой касты протестантов, и т. п. очень удачно воссоздают образ феодального, но уже модернизирующегося города с кипучей, многосторонней жизнью.

Особенность стиля этого романа — сознательная, нарочитая стилизация. Стиль речи и словарь XVIII в. выдержаны в разговорах изображаемых лиц. Но и сам автор говорит, сильно стилизуя свой язык к XVIII в. «Владей златых нашел ахтильским и не рассердился». «Француз в приятной оступе прошел в комнату Радичева». «Кутузов... записал краской до корнев волос, кои природно курчавились». И тому подобное. Но эта стилизация применяется далеко не везде, и вряд ли нужно нашему автору удерживать этим.

Несмотря на некоторые спорные стороны и на незаконченность романа, можно сказать: эта часть романа — часть высокохудожественного целого. Мы радуемся творческой удаче писательницы и будем еще более рады видеть такое же мастерское, художественно обстоятельное изображение зрелого Радичева в окончании романа.

Г. ТАТУЛОВ.



В ГИХЛ недавно был организован просмотр иллюстраций к «Тихому Дону» М. Шолохова, сделанных молодым ростовским художником Б. Корольковым. Иллюстрации тов. Королькова свидетельствуют о хорошем знании жизни казачьих станиц, ее людей, бытыва и костюмов — всей той среды, которая описана Шолоховым. Рисунок Королькова не лишены недостатков, но во многом не считаются с спецификой книги и печатного воспроизведения, кроме того излишне натуралистичны. Тов. Корольков будет иллюстрировать новое издание «Тихого Дона», выходящее в ГИХЛ в 1934-35 гг.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ

Д. МИРСКИЙ

С первой частью «Тихого Дона» в советскую литературу вошла новая, большая книга. Пролетарские писатели того времени еще далеко не освоились от схематичности и, говоря словами Энгельса (письмо к Лассалю), «за идейным моментом забывая» о моменте реалистическом». Шолохов восстанавливал реалистический момент во всей силе, возвращая советской эпохе прелезную насиченность конкретного материала. Еще разче непохож был поэт роман на прозу поучитель, не изживших последние эстетизма и формализма, для которых роман был расказом прежде всего «вещью», самозаключающим миром, загальванивающим забыть, что есть еще что-нибудь вне его рамок.

«Тихий Дон» воносил в советскую литературу реалистическое наполнение и реалистический простор. Он не был отгорожен стеною от остальной действительности. Казалось, что Шолохов рассказывал лишь малую часть из того, что он знает. В советской литературе это был ново. Возможно Горького никто ничего подобного не умел.

Но сильный реалистической широты и полнокровности, в этих отношениях Шолохов был слабее многих своих современников. В «Тихом Доне» не было ясной идейной направленности Фурманова или фалеского «Разгрома», не было в нем и художественной завершенности расказа Бабеля или Тихонова. В «Тихом Доне» была нечеткость и неясность.

Особенно неясным был язык. Этой основой реалистического расказа была беспорядочно спешившая лирическим тирадами и усевия провинциальными. Первая часть «Тихого Дона» могла бы послужить материалом для обвинительного акта против засорения языка. Вследствии Шолохов постепенно освобождался от этих уродств, и третья часть «Тихого Дона» в этом отношении гораздо лучше первой.

Но композиционной неясностью «Тихий Дон» страдает от начала до конца. «Открытое», не отгороженное от остального мира повествование требует множества сюжетных линий в множества эпизодических лиц, на минуту втягиваемых в роман, чтобы потом снова уйти из него. Именно такие эпизодические лица (вроде Кузьмы Крючкова) и создают то впечатление неотгороженности от всего моря действительности, того реалистического простора, который рошит «Тихий Дон» с «Войной и миром». Но в «Войне и мире» Толстой каждую минуту помнит все, что было и будет рассказано им. А Шолохов часто забывает. «Тихий Дон» полон ружей, которые не стреляют, событий, происходящих и не оставляющих следа, сюжетных линий, богато развернутых и вдруг ни с того ни с сего бросаемых.

Возьмем всю линию помоек Лестинских. Тут целый ряд заряжен-

ных и не стреляющих ружей. В первой части лейтмотив в изображении «старого пана» — его жезлоузная болезнь с ее весьма неаппетитными, но социально выразительными подробностями, но во второй части этот мотив совершенно забывается и образ старого пана незаметно изменяется другим. Молодого Лестинского в конце первой части Григорий Мезиков избивает за связь с Аксиньей. Для такого офицера и дворянина, как Лестинский, это случай, который не легко забыть. Во второй части Лестинский занимает очень много места, показывается постоянно изнутри, но этого избивения как будто никогда и не было. Но конец второй части Лестинский уезжает от Денкина, женится и поселяется у себя в имении около хутора Татарского. Но в третьей части, которая развертывается целиком в этом районе, Лестинский совершенно исчезает, а между тем вокруг хутора и имения идет ожесточеннейшая борьба. Приходит красные, потом встают казаки. Что в это время делает помещик и активный бездарнейший Лестинский? Или он уходит за Днеп с беглыми, или остается в полном? Неизвестно. Лестинский занимал слишком большое место в первых двух частях, как главный стусок контрреволюционно-го офицера, чтобы можно было о нем забыть. И он мог бы быть исходной точкой для очень ярких эпизодов в развертывающейся борьбе. И Шолохов, несомненно, отлично все знает. Он просто забыл рассказать об этом. Это

забывчивость не от спешки, не от неуважения к читателю, это «забывчивость от богатства». Если в третьей части лет Лестинского, там много такого, ради чего читатель готов забыть о Лестинском. Тем не менее это недостаток, и недостаток этот тесно связан с другим коренным недостатком «Тихого Дона» — его идейной нечеткостью.

Политическая нечеткость «Тихого Дона» — явление не столько идеологического, сколько художественного порядка. Шолохов еще не выработал способ художественного выражения политической идеи.

Конечно, политическая нечеткость «Тихого Дона» отражает в конечном счете колебания мелкобуржуазной массы. Но менее всего можно допустить, какое бы то ни было, хотя бы и архидождное, уравнивание Шолохова с Григорием Мезиковым. Шолохов отличается от почти всех наших лучших писателей глубокой интуицией не только в смысле широкого реалистического охвата событий, но и в смысле полноты несчетности автора с какою бы то ни было из его героев. То, что Шолохов слышит и яром как бы становится на точку зрения своих героев и отождествляет себя с ними, — отнюдь не следствие симпатического «чувствования» в этих героях. Изображая героя изнутри, изображая его внутренний мир, Шолохов строит чисто познавательную гипотезу, нужную ему для объяснения действий этого героя. Это метод разведчика и следователя, метод, особенно подходящий для изображения врага. Шолохов входит в кожу врага не для того, чтобы почувствовать свое «чужеродное родство» с ним, а чтобы лучше

пойти, чего от него можно ожидать. То, что Шолохов не всегда удаётся при этом избежать видности сочувствия к изображаемому врагу, есть факт литературной неумелости, а не политического либерализма. Вообще же изображение классового врага у Шолохова — без всякого сравнения лучше в советской литературе, и эта роль его как «литературного разведчика» — не последний момент в политической нечетности и «Тихого Дона» и «Поднятой целины». Шолохов — крупнейший оборонный писатель. Правда, иностранных военных у него нет, но ведь мы знаем, что во всякой войне против нашей страны в последнюю роль будут играть русские белогадардейцы, а шолоховские белогадардейцы Лестинский и Половцев правдивы и типичны.

О Шолохове много говорят как о живописателе казачьего быта и гораздо меньше как о изображателе гражданской войны. Между тем анжлы, связанные с Подтелковым в пятой книге, в история верховодского востания 1919 г. в шестой книге «Тихого Дона» не только лучшие части всего романа, но и едва ли не самое сильное и правдивое, что было написано о гражданской войне во всей нашей художественной литературе. Ибо за вычетом Фурманова, у которого подход к войне подлинно красноармейский, военно-революционный, гражданская война у многих писателей обычно или романтизирована или же она только фон для психологических наблюдений. Боевые главы «Тихого Дона» полны величайшей военно-познавательной нечетности. Тут Шолохов особенно близко подходит к Тютчеву.

До еще большей высоты, политиче-ской и художественной, Шолохов поднимается в уловых сценах этих эпизодов — казни Подтелкова и его товарищей и в зверской расправе белоказак над пленными коммунистами, взятыми при взятии Сердобского полка. Это сцены самой неуемленной политической насиченности. В них нет ни грамма лиризма. Но эта глубоко партийная значность дает еще более мощное выражение классовый ненависти. Сцены эти действуют как живые монументальные фотографии, но умноженные на всю концентрирующую силу реалистического искусства.

Эти сцены — большие художественные победы. Но «Тихий Дон» как целое страдает от неумения Шолохова найти художественное выражение политической идеи. Идеяное содержание вступает в противоречие с литературной формой, и это вносит глубокое противоречие в художественную систему романа.

Противоречия эти двух родов: композиционные и стилистические. Композиционные являются обратной стороной реалистической широты Шолохова. Ранняя пролетарская литература достигала единства произведений посредством укладывания его в схему. Наследники и эпигоны эстетизма и формализма — путем трактовки произведения как замкнутой в себе «вещи» (Бабель, Тихонов) или как лирического единства ритма (Артем Веселый). Шолохов, отталкиваясь от того и от другого, не заменил их единства никаким другим. «Тихий Дон» не имеет формального стержня. В «Войне и мире» при той же широкой хроникальной манере есть очень ясный (хотя и очень сложно построенный) стержень. Это морально-биологическая идея. — путь героя от суеты и страстей молодости

листе представленный нам как «гость на этой земле», разделен теми же чертами, что и демобилизованный герой в романе «Отец Саваой», обер-лейтенант в «Вечном скитании», вник героя из Сольферино в «Походе Радичева». Николай Тарабас — это помысь вечного ландскнехта с вечным жидом, это Агафер, обтабанный с максимальным психологическим комфортом современности и библейской примитивностью.

Рот излагает жизнь Николая Тарабаса высокохудожественным в смысле простоты, благородства и красоты языком (подчас даже невольно возникало сомнение, не слышим ли здесь этот язык, чтобы он мог оставаться языком правды, и вспоминается поддельная красота чересчур искусно отделанной фотографии). Стиль Рота в этом романе — стиль легенды. И не без основания. История жизни Николая Тарабаса только по форме роман, по существу же легенда.

Николай Тарабас, сын многоземельного крестьянина из российской Прибалтики, принадлежит к революционной студенческой группе, применяющей «не столько из полнотной убежденности, сколько просто по страсти своего молодого сердца»: его вовлекают в дело о каком-то покушении на политическую цель, и он, оправданный только благодаря связям отца, вынужден покинуть родину и отчий дом и эмигрировать в Америку. В Америке он ведет беспощадную жизнь, влюбляется в сельдершу, идет ради нее чуть ли не на убойство, но в конце концов оставляет ее, оставляет новую родину и в качестве солдата русского царя отправляется на фронт. Война для являющегося становится «великой, яркой родиной». Он никогда не просит отпуску, ни от кого не получает письма. Ни пуля, ни болезнь не затрагивают его. Он остается пел и невредим. Он — «солдат и ничего больше!» и в этом родственно схож с тем «вечным солдатом», которого так любит воспевать Иосиф и Бойлсбург, представители весьма презираемой Ротом литературы «третьей империи».

Разражается Февральская революция, но Тарабас не замечает ее. Он воеет, как воевал до нее. Когда же Октябрьская революция, в лице невольного рыжего солдата (не надо забывать, что Рот рассказывает легенду), вырывает у него из рук командование полком, он вместе с двадцатью шестью «верными людьми» отправляется в веку, туманно обрисованную прибалтийскую страну, на «новую родину». Здесь он получает назначение на пост полковника вновь формирующегося полка, но пока этот приносит ему мало радости и мало чести. По первому же повзвращению повозу в полку назначается массовое дезертирство, которое завершается частью мятежем, частью зверским еврейским погромом.

С большим трудом Тарабас удается восстановить порядок. Мятеж, смерть верного фельдфебеля Конева, солдаты, что тыловый генерал — бывший адвокат — справился с событиями, которые оказались сильнее его, приводит Тарабаса в смутные и сильно потрясает его. Случай с безумным священнослужителем Шемарьей, которому он в припадке внезапного бешества вырывает бороду, переполняет чашу. Тарабас навсегда снял военный мундир и странник, окруженным ореолом покаяния, изборождая волье и поперек всю страну. Он умирает, как и подобает герою, легенды — солнечным предвечерем в келье монастыря, выпросив и получив прощение у Шемарьи. На могильном камне его начертана надпись: «Полковник Николай Тарабас, гость на этой земле».

Приезжий, спросивший у хозяйки гостиницы значение этой надписи, узнает в ответ не только историю жизни Николая Тарабаса, но и мораль этой истории, которая и есть мораль книги Рота: «Жизнь кончается смертью. Мы все это знаем, но кто думает об этом?»

Мораль мрачная: писатель не видит выхода из краха общественного строя, крах этот превращается для него в конец мира, он распыляется в безнадельности и непротивления.

Столетие назад один известный писатель находился в таком же положении, по выход из него ваити тумел. Имя этого писателя — Бальзак. Как и Рот, он был консервативом. Как предостер и Рот, он был свистелем краха общественного строя, с которым чувствовал себя несчастливым образом связанным. «Все его творчество, — писал Энгельс в Бальзаке, — это сплошная элегия на неизбежную гибель «хорошего» общества, все симпатии его на стороне класса, прогноренного к гибели». Но Бальзак не смиряется, не создает легендарных героев. «Его сагера никогда не была смедей, его прония злей, как тогда, когда он заставлял действовать глубоко симпатичных ему мужчин и женщин, когда выводил на сцену аристократов». А затем: «Единственные люди, о которых он говорит с нескрываемым восторгом, это самые яркие противники, это республиканские герои его «Cloître Sainte Marie», которые в то время (1830—1836 гг.) являлись подлинными представителями народных масс». И тем, что Бальзак, действуя «против собственных классовых симпатий и политических предрассудков, увидел неизбежность гибели мильих его сердцу аристократов и изобразил их людьми, не заслуживающими лучшей участи», а с другой стороны, «распылвал подлинных людей будущего», он завоевал для литературы, представителем которой являлся, величайшую победу.

Роту такая победа не достанется. Да и кому она нужна? Буржуазный реализм давно умер. Его наследником является новая, вооруженная реализмом писательская масса, плоть и кровь нового класса, нового общества. Этой писательской массы Рот чуждается и скептически отвергает ее.

Нет, Роту не суждено быть завоевателем. Чтобы побеждать, нужно бороться. А Рот бороться не хочет. Он устал. Он бежит по кругу. Вечный странник.

Перевод И. ГОРКИНА.

Прага, июль.

КНИГИ

ПОД СВЕЖИМ ВПЕЧАТЛЕНИЕМ

ЗДРУБЕЖОМ

А. Дорогойченко

„ПРАЗДНИК“

Пересказать содержание этой тоненькой книжки — это почти одно и то же, что пересказать содержание газетного очерка, который был бы написан на такую же тему. Иначе говоря, ее содержание настолько актуально и настолько не сведено еще в большое художественное обобщение, что оно захватывает внимание читателя прежде всего документальной значительностью своего материала.



ПРАЗДНИК

Книга Дорогойченко рассказывает о празднике, проведенном в переломном колхозе «Мордовский труженик» Ишутинской МТС (Сталинский район, Средняя Волга) по случаю успешного окончания уборочной и распределения обильного урожая. На праздник из Москвы приезжает самолет АНТ-9, съезжаются гости со всего края; праздник утрачивает свое «локальное» значение и становится торжественным рубежом на переходе в новую зажиточную жизнь. Конечно, это интересно, и, конечно, книга найдет своего читателя, мало знакомого с новой колхозной действительностью, который будет целиком удовлетворен ее содержанием. Но той же самой социалистической деревне, которой адресуется эта книга, интереснее было бы читать не литературные сводки с колхозного фронта, а вещи большого творческого обобщения.

Тем более, что книга Дорогойченко не свободна от традиционных грехов колхозного бытописательства: от колоритных и не всегда понятных «словечек» («обдьяло», «отудобель», «повну» (вместо помно) и т. д.), от живописной обезличенности «народных масс» и от приподнятого и вычурного тона описаний природы.

Г. Х.

ГИХЛ, 1934, тир. 25 000 стр. 70, п. 40 к.

Новая книга Ивана Минитенко «Ранок» еще не получила должной художественной оценки. Правда, она вышла не так давно и еще, кажется, не переведена на русский язык, но это обстоятельство не спасает нашу критику от упреков. Мы иногда умеем очень быстро подхватывать таланты имена иностранных писателей, книги которых еще не переведены на русский язык, но очень опаздываем и очень неохотно читаем книги, которые появляются на русском языке, а тем более на языке братьев. А научится читать книжки в подлиннике на украинском или белорусском языке — дело не такое уж трудное. Мы обязаны знать эти языки и не жалеть, когда украинская или белорусская книга появится в русском переводе. Этого может не случиться, или перевод будет сделан очень поздно. А между тем книга требует немедленной оценки, немедленного отклика.

«Ранок» — хорошая книга: высокая по своим художественным достоинствам и чрезвычайно полезная по своему педагогическому значению. Здесь лишний раз подтверждается тезис о единстве художественного и познающего. Я понимаю полезность не в узко утилитарном смысле, а в смысле глубоковоспитательного воздействия на читателя всем строем художественного сотворения. Всякое подлинное произведение искусства — по существу, косвенное учительство; косвенное потому, что оно организует человека не прямым путем дидактики, а через посредство жизненных образов, воссоздавая действительность до полной иллюзии и заставляя этим читателя приближаться повторять процесс творчества автора.

Иван Микитенко и создал такую книгу. Он написал ее любовно, вольно, умно. Исключительная ее особенность в том, что эта книга одинаково ценна как и для взрослого, так и для юного читателя. У нас почему-то принято делить художественную литературу на литературу для взрослых и для детей. Я считаю такое деление искусственным. Исключая специфическую литературу для малышей (а ее может делать всякий беллетрист, знающий психику раннего возраста), я категорически утверждаю, что такая художественная литература достояние такого развития, что она должна охватывать своим воздействием огромный человеческий массив, начиная с юного возраста.

«Ранок» — единково будет и для молодой и родной книги и для повне, и для старого испытанного украинца, и для интеллигента. Микитенко творит книгу, не думая о том, что она предназначается только для подготовленного читателя. Он творит жизнь в образах, а это и есть сутью настоящего, природного художника.

Иван Микитенко — культурный писатель, с хорошей школой, с зрелым большевистским мироощущением. Он знает, во имя чего творит, знает, как надо действовать оружием искусства и каким оружием действовать. Это художник — жизнереальный, но суровый; он бурный в своей молодости, но всегда умеющий собой владеть; он несомненно смеется от радости жизни, но в то же время мудро насторожен. Он хорошо знает, что книга должна быть написана интересно — так, чтобы от нее нельзя было оторваться. Он чувствует эту основную тайну творчества. Поэтому его «Ранок» сюжетно сложен, превозводит, а ведущие характеры очень ярки.

«Ранок» («Утро») — книга о беспризорниках и о трудовой коммуны правоработниках. В селе Ладош триста лет стоял девичий монастырь — «Бастыля божьей матери», по определению одного из персонажей романа. В дни гражданской войны в стенах этой «бастыли» по-

селилась новая игуменья — контрабандщица Ольга, молодая, умная женщина. В то время когда отважная группа латонских партизан самоотверженно дралась с майором Белогорцевым во главе с офицером Буртовым, бастыля (кулаки этого села) с помощью Ольги (она дала им оружие) уничтожили большую часть партизан, а Буртова спасли и укрывали в монастыре. С тех пор монастырь стал штабом кулаков и контрреволюционных заговорщиков. Все население было в руках у правых кулаков. Монастырь был хозяйским районом: вся белынская и гердунская масса была в рабской зависимости от него, а сила грехостной религиозной традиции держала над бытом и сознанием людей. Те из партизан, которые остались от разгрома их отряда, были чужими и селе: на них смотрели все, как на выродков, как на паршивых овец в стаде. Даже многие бедняки смотрели на них глазами кулаков.

Но партизаны во главе с Матронею Чумаком не унывали: они решили вести партизанскую борьбу и в новой «мирной» обстановке. При очередных переменах сельвета они открыли бой и дружной атакой хотели взять в свои руки власть. Храбрый, неуемная атака была отбита. Лоухи разрушили «Бастыля божьей матери» оказалась непонятным и преждевременным. Кулаки и монастырь и здесь оказались во всеоружии. Наступает полоса длительной осады и выработке новых методов классовой борьбы. Партизаны считают, что им недостает главного — оплотнения, партийной организации. «Волак» Матей Чумака едет в город и добывает присылки большевика в их деревню как организатора и партийного руководителя.

Почка в селе у стен монастыря идет упорная борьба за организацию сил и перевоспитание мужика, в годочки и по железным дорогам живет другой мир — близкий мир детской беспризорности. Воры, жулики, грабители, убийцы — шайки преступников-детей, выброшенных из жизни и предоставленных себе, живут вне законов, за пределами общества, но по своему, неписанному, обычному праву. Микитенко хорошо изучил этот своеобразный мир. Он подробно и терпеливо изображает все положения своего героя-беспризорника, Марка Ладоша. Марк провозит своих тяжелых митрашек отверженца, переживает богатые приключения и становится в конце концов очень опытным спецом по воровскому делу, с закаленным характером, с исключительной наблюдательностью и знанием людей. Это — тип настоящего юного правоработника, который сложился в эпоху папа. Автор пристально и любовно следит за судьбой Марка, и читатель крепко связывается с этим по существу честным, хорошим парнем, взурованным страшным «беспризорным» сиротством, воровской средой и жестокими обстоятельствами жизни.

Я не могу подробно излагать сюжет повести: это заняло бы очень много места — он очень богат и сложен. Я отмечу только общую линию развития первой книги романа. Борьба в деревне развивается неудачно к победе большевиков. Парторганизация сумела завоевать и постепенно организовать массы крестьян. Контрреволюционный штаб монастыря, связанный с подпольной белогорцевской организацией, имеющей связи с зарубежной контрреволюцией, ликвидирован. Монастырские черныши и кулаки разоблачены. Власть полностью в руках коммунистов и трудящихся. Монастырь превращается в трудовую коммуны беспризорников. С большой вдумчивостью и знанием материала и лю-

ФЕДОР ГЛАДКОВ

лей Микитенко рисует первые дни и месяцы безалаберной жизни беспризорной «бракки» в монастыре. Много ярких картинок, полных движения и бытового своеобразия, много живых характеров проходит через вторую часть книги. Катастрофа Марка очень правдиво и волнующе подготовлена с неотразимой неизбежностью: она вытекает и из самого поведения Марка и из всех событий жизни коммуны. Это очень трудный, болезненный, переломный период рождения и роста коммуны. Молодежь еще продолжает жить привычками благого существования, но уже



И. Минитенко.

поземному начинает входить в новую жизнь, в новые отношения. Автор ставит большие интересные проблемы воспитания, невиданные в былые времена буржуазной педагогики. Честный, этот ужасный журнал для врагов, являются пионерами в области переподготовки людей. Мало того, что они создали претенциозную систему (о которой беспамятно мечтал еще Толстой в «Воскресении», основанную на трудовом и культурно-политическом базисе, но они произвели изумительную революцию в области детского общественного воспитания. Эти проблемы и являются предметом художественного изображения Ив. Микитенко. Важно то, что автор разрешает их через драматические коллизии, через яркие и острые события, через непрерывную борьбу этих людей за каждый новый шаг. И когда эти ребята, очерченные преступниками, встречаются новую партию «свежих» беспризорников, растопившими криками и горясь передними своими победными и жестокими, с оторопью говорят: «И мы были когда-то такими же...» — радуясь и торжествуя вместе с ними и вспоминая весь трудный путь их переподготовки, вместе с ними же верный и знающий, что к прощальному времени, что самое главное в их терпеливой жизни — это творческая борьба за будущее, это создание настоящего и чудесный путь к человеческой красоте.

И все же книга, при всех ее достоинствах, написана неровно. На мой взгляд, первая часть слабее второй, а тема деревенская и монастырская значительно бледнее темы о беспризорниках и о трудовой коммуны. Сцены партизанской борьбы и сцены деревенских событий торжественны, схематичны, точно автор писал их с натуры и не придавал им особого значения. Поэтому и характеры не вышли из шаблона. Конечно, они, эти кулаки и эти партизаны, такие и есть, и мы их давно уже знаем: читали о них в других книгах. «Знакомые все лица». По сути-то вещь не в этом. Задача автора дать

свежие краски и свежие характеры: это надо написать по-своему, по-микитенковски. Чего, например, умел изображать Чехов, Чюковичев, Гителлиантов, мужиков, мешал оригинально, по-чеховски, неповторимо, а ведь в его время эти персонажи не сходили со страниц многих книг. Микитенко мог это сделать, как он мог написать сильно, оригинально своих беспризорников, несмотря на наличие таких книг, как «Правоработники» Сейфуллиной, как «Республика НКВД» Пантелеева, как «Я люблю» Агасенов, как многочисленные рассказы и сборники бывших беспризорников.

Правда, картины выборов в сельсовет и борьбы бедноты с кулаками — яркие картины, но эти картины уже не новы и художественно не свежи после «Брусков» Панферова. Правда, необычна сцена с Ольгой и монашками на заседании сельсовета, по сцене она поверхностно, без «горячей крови». Наряду с педурными фигурами Матвея Чумака и деда Милияна все остальные написаны слабо или совсем не зарисованы. Девочка Улька хотя и романтизирована (мягко, в меру), но мало привлекает внимание. Ее роль и ее роль намечены плохо, случайно. В ней много искусственного, пафосного, хотя в книге ей как будто должно быть отведено не последнее место. Так же слабо зарисованы и воспитатели-руководители: Чекисты, Разлов, начальник ПТУ. — в тени. Буднички известны читателю только одной бордой. А эти фигуры любительницы: их надо было написать старательнее и хорошо.

Но зато превосходна фигура Марка Ладоша. Она полна драматизма: Марк вырастает в незабываемый тип юности с сильной волей, с бурными страстями, с мечтами настоящего романтика. Он романтик, но умен и жизнереален, он смет и решителен, любознателен и чест в своих стремлениях. Это тип положительный, несмотря на то, что он один из самых светлых и дерзких повздорив воровской бражки.

Мать у него повешена за то, что муж ее партизан. Отец, по-судам, гет-то в Одессе. О нем нет никаких вестей. После смерти деда, единственного кормильца, бабушка отпращивает его в Одессу на розыски отца. В Одессе он попадает к провокатору, который предал отца белым. С этого времени и начинается жизнь, полная испытаний, страшных мучарств и приключений брошенного ребенка. Это — подлинное «хождение по мукам». Первый круг этих «мук» — борьба за раскрытие тайны гибели отца. Эту тайну знает тот человек, который привез его у себя, провокатор. Марк решает, что тайна скрывается в комнате, которая постоянно находилась под замком. Он открывает ее и видит вещи отца. С этого момента деревенский ребенок умирает. Для него мир открывается по ту сторону обычного социального порядка. Это мир, где «все позволено». Проходят годы, и из Марка вырабатывается «материй волк» от бастыля. Удивительно, что в нем очень сильно развивается, несмотря на это чувство чести, своеобразная честность, прямота, правдивость, не говоря уже о мужестве, доблести, пахотности и верности своему коллективу. И когда он, «заспаннись», вступает в коммуны, он долго не может привыкнуть к ней: он тоскует по воле. Этот период переживания Марка автор сумел дать ярко и незабываемо. Это — наиболее интересные страницы книги.

Любопытна история его отношения к Разлову, начальнику ПТУ. Разлов сумел овладеть его душой и завязать с ним настоящую человеческую связь. И в тот момент, когда Марку было особенно тяжело, а Разлов не отвечал на его отчаянное письмо, Марк решил бежать. Судьба знает ему и сообщники Провку Касьяна. Они грабят церковь и зарывают драгоценности в землю. В этот момент Марк получает задушевный ответ от Разлова. Марк остается в коммуны и вступает в руководящий ее актив. Любовь к Ульке захватывает его глубоко: он живет ею, и жизнь его уже ясна и полна смысла. Провка — записка, он замалчивает в истинности. К Ульке он тоже чувствует влечение. Марк затмевает его: он савлен и талантлив. Провка — действительно шедевр Марка Касьяна, и как Касьяно, он истит Марку. Марк решает награбленные вывезти в поле, а потом сообщить, что он обнаружил его владетель коммуны. Он выкапывает сребро из земли и едет на коне в поле. Касий предательски констит, что Марк бежал из коммуны и награбленным добром. За них устраивают погоню. Он в отчаянии и бешенстве отстреливается. Его хватают и отсылают в тюрьму. На этом первая книга кончается.

Путь переделки ребят в условиях коммуны, их быт, их самоуправление, их культурно-воспитательная работа, труд — все это изображено напряженно и захватывающе. Жаль только, что автор к концу повести начал сбиваться на публицистику, на документацию. Так и кажется, что он устал, что начал горючиться, и у него уже не хватает художественных красок.

Пол Навроцкий, конечно, убит и облагательно глумит себя по чреву. У Касьяна прежде всего — «лохоткувати оги»: они «були вгвинченни йому в лоб, мов два величкі гудики». «В очах йому блиснули нехороший вогник». А вот как рисует автор лицо Будневича: «Півтуте, рожеве обличчя с крайними правильними рисами, добродушна усмішка і густий голос — все це говорило про незвичайне зорівня гістології. Об Ульке: «Вона зростає в літній обстанові грубого селянського виховання, по с дитинства првичав селянську мову слухати погану лайку...» Таких штампов можно найти в книге много.

Иногда автор в веселом порыве не владеет собой, и шаловит его становится невозможно неуловимым. «Вікриваю стос, — промова віс тоном легендарного Христа під час легендарної патріної проповіді». Или: «Хто так йому не імя римського патріарха, замовленого генієм Шекспіра в «Юлі Цезарі» — невідомо (Микитенко шпирит: а Касий и не «Юлия Цезаря», а Касий — и «Отелло».)

Из книги можно привести много неудачных выражений и отдельных слов, много публицистики, обидные близкие слов, по все эти недостатки можно легко устранить. Не в этом дело. Надо прежде всего вдуматься в содержание книги, в ее проблематику, в тех живых людей, которые делают дух нашей жизни. И с этой точки зрения ценность новой книги Микитенко приобретает большое художественное значение. Мне очень радостно приветствовать «Ранок» и пожелать автору с большим вытеркой и с таким же смелым размахом поскорее написать вторую книгу, которую читатели будут ждать с большим интересом.

Мне хотелось поделиться своими свежими впечатлениями от книги, и я знаю, что сказано мною очень мало. Я не мог в этой небольшой статье дать широкого художественного анализа этой книги, не мог войти в обсуждение основных ее проблем. Для этого нужно писать большую работу. Но это не мое дело, а дело критики. От нее мы и ждем подробных исследований об этой последней работе И. Микитенко.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

НОВАЯ КНИГА ЛЕНГСТОНА ХЬЮЗА

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

..ЧТО БЫЛО БЫ, ЕСЛИ БЫ Я БЫЛ ДИКТАТОРОМ?»

В Лондоне в издательстве Methuen вышли две книги разных авторов, но одинаково озаглавленные: «Что было бы, если бы я был диктатором?»

Одна из них принадлежит перу лорда Дамейни, другая написана лордом Регланом. Оба произведений — в утонченно-импрессионистическом жанре, однако сквозное наигранное шутовство преследует и истинное мировоззрение обоих авторов. Так, например, лорд Дамейни признает за тем, чтобы в Англии были установлены всеобщий труд и спокойствие, которые там были до прогресса техники, и предлагает уничтожить автомобили и устроить так, чтобы жители Англии сидели спокойно по своим домам, а во что не вмешивались, и выходили бы на улицу лишь в случае крайней необходимости и только по служебным делам.

Намерения лорда Реглана, в случае если бы он стал диктатором, еще менее либеральны: он первым делом потребовал бы уничтожения даже относительной свободы печати и изгнал бы из числа работников прессы всех пролетарских «чужеземцев», в числе которых, кроме евреев, он упоминает и ирландцев.

Лорд Реглан выработал следующие практические мероприятия:

- 1. Стерилизация всех людей, признанных малополезными для государства.
2. Назначение предельного школьного возраста до 12 лет на основании того, что «видные психологи выяснили, что большинство детей после 12 лет уже не способны учиться, а предпочитают уже работать».
3. Работники министерства иностранных дел должны набираться только из высоких, стройных и красивых людей, так как за последнее время британская внешняя политика сильно пострадала (особенно на Дальнем Востоке) от того, что на руководящие посты назначались люди с отталкивающей внешностью.

А. ЛЕВИНСОН.

НОВАЯ КНИГА ЛЕНГСТОНА ХЬЮЗА

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

«Хью один из немногих молодых американских писателей, чье творчество шло в ногу с растущей репутацией и первые обещания которого теперь оправдываются». Грегори называет книгу Хьюза «документом классовой сознательности» писателя. Оценивая художественные достоинства рассказов, Грегори пишет: «...Лэнгстон Хьюз вносит в свой материал исключительный стиль прозы и четкое понимание человеческого характера.

ИСТОРИЯ МЕТРО

НА СОВЕЩАНИИ РЕДАКЦИИ И АВТОРСКОГО КОЛЛЕКТИВА

Мировая история метро — это история развития и авторского коллектива «История метро» в составе партийных работников и инженерно-технического персонала Метростроя.

Вступительное слово сделал секретарь ЦК ВЛКСМ тов. Мосаров: как известно, Центральным комитетом партии решительно следит за работой авторского коллектива, пишущего историю метро. Большой интерес к этой книге проявляет также тов. Л. М. Каганович.

Книга эта необычна и бесценна. Некоторые товарищи полагают, что история метро должна быть создана по типу книги о Беломорстрое. Но это не совсем верно, ибо в обоих случаях мы имеем перед собой различные условия труда и различный человеческий материал: на Беломорстрое — осыбья перекоса людей, на метро — работают лучшие люди страны.

Сейчас работа над книгой главным образом ведется силами молодых авторов; в дальнейшем нужно будет привлечь ряд квалифицированных писателей. И придется осуществлять большой отбор, потому что работа над историей метро требует от каждого писателя — и молодого и старого — не только высокой литературной квалификации, но и глубокого политического понимания материала.

Тов. Тихонов ознакомил совещание с состоянием работы над книгой: найдены профиль книги, собрана хроника строительства за 1934 г. в большой документальный материал: воспоминания, дневники и т. д. Сейчас редакция располагает авторским коллективом в количестве 30 человек. Уже написано 12—15 листов. Однако эти рукописи переделываются, потому что они еще далеко не удовлетворяют предъявляемым требованиям.

До сих пор мешало то, что работа велась кустарным порядком, почти без всякой связи с рабочими метро и с парторганизацией строительства. Сейчас основное заключается в том, чтобы привлечь квалифицированного писателя к работе над книгой.

Сначала была мысль создать художественную хронику. Но от этого мы отказались. История метро должна удовлетворять трем основным требованиям: она должна быть достоверной, общедоступной и высокохудожественной. Книга покажет роль метро в реконструкции всего городского хозяйства Москвы, картину старой Москвы и ее перспективы. А с другой стороны, она должна быть дающей читателю образ новой, социалистической Москвы. Затем надо будет показать весь комплекс влияния метро на быт и психику москвичей окрестных, ибо метро устранило противоположность между центром и окраинами.

История нашего советского метро должна рельефно показать отличие его от европейского метро — как технического так и социального. Огромное значение приобретает изображение темпов строительства. Основной материал книги — живые свидетельства рабочих участников работ. Поэтому надо развернуть широчайшую массовую работу по сбору материала на местах.

Тов. Рогачев отметил, что художественное качество того материала, который уже собран, стоит на высоком уровне. Ошибки, которые делают авторы, в большинстве случаев однотипны: авторы не умеют популярно описывать технику и не знают, сколько давать техники и сколько людей. Ударники изображаются чересчур обобщенно.

Тов. Д. Заславский говорит, что в порученной ему главе о предпринятии метро он прежде всего даст образ хозяев старой Москвы. Надо показать, для чего собирались строить метро эти хозяева, показать лицо старого инженера, сезонника и социальная обстановка в окрестностях старой Москвы. Совершенно очевидно, что глава о предпринятии будет главой в значительной степени публицистической.

Весьма затрудняет работу отсутствие какой бы то ни было предварительной библиографии вопроса.

Тов. А. Гарри сообщил, что он изучает полнейший ряд иностранных экспертов и только после ознакомления с ними сможет приступить к работе над главой о проектировке. Он предполагает включить в нее споры о разных методах строительства.

Тов. Д. Армин говорит, что надо показать, каким образом метро входит в общий архитектурный комплекс Москвы. Как известно, метро превратит набережные в центры Москвы. Другая сторона дела — это изображение архитектуры самого метро. Наше советское метро будет иметь полноценный архитектурный облик. Интереснейшая задача архитектурного порядка — это преодоление полемичности: наши архитекторы хотят сделать все сооружение таким легким, чтобы у пассажира не было неприятного ощущения пребывания под землей.

В заключение совещания тов. Мосаров сказал, что организационный период работы над книгой чересчур затянулся и что пора уже перейти к конкретной работе над ней.

Ю. О.

ВИЛЛИ БРЕДЕЛЬ В МОСКВЕ

Вчера прибыл в Москву известный немецкий пролетарский писатель Вилли Бредель.

Бредель в течение года с лишним находился в одном из гамбургских концлагерей, где ему пришлось испытать все прелести фашистского режима. Выпущенный недавно из концлагеря под условием, что он «наведет порядок» на политическом участке и будет ежедневно представлять отчеты полиции, Вилли Бредель бежал в Прагу, где провел 3—4 недели.

В Москве Бредель будет продолжать работу над недавно начатым романом из жизни германского пролетариата.

26 июля редакция «ЛИТЕРАТУРНОЙ ГАЗЕТЫ» переходит в НОВОЕ ПОМЕЩЕНИЕ.
Адрес редакции: СРЕТЕНКА, ПОСЛЕДНИЙ ПЕР., 26, ТЕЛ. 69-61 и 4-34-60.

ВЕЧЕРА НЕМЕЦКИХ ПИСАТЕЛЕЙ

Немецкая секция МОРП организует серию вечеров немецких писателей, приехавших для участия на съезде.

Программа вечеров следующая: 25 июля — Альфред Канторвич, «Избранная книга и ее судьба в эмиграции».

1 августа — Виланд Герцфельд, «Журнал и издательство в эмиграции».

7 августа — Густав Реглер, «Работа писателя в Саарской области».

13 августа — Теодор Пльмье прочтет из собственных произведений».

Все вечера состоят в помещении МОРП, Кузнецкий мост, 12, ровно в 8 час. вечера.

АМЕРИКАНСКИЙ ИНСТИТУТ В МОСКВЕ

В 1933 г. ВОКС, по ходатайству группы американских преподавателей и студентов, прибывших в СССР, приступила к организации специального летнего семинара по советскому Метропятию. Мероприятие это оказалось вполне своевременным. Интерес к семинару был настолько велик, что инициаторы его очутились перед необходимостью организовать постоянный летний американский институт.

21 июля состоялся торжественное открытие Американского института при МГУ. Свыше 300 чел. присутствовали на открытии в III Доме советов, где институт будет функционировать.

С приветственными речами выступили председатель ВОКС т. Аросов, руководитель Института т. Мура, директор института — проф. Ирвинг Салинас и проф. Пинквич и др. Проф. Салинас рассказал об огромном интересе, проявляемом американским студенчеством к СССР.

Количество учащихся семинара с 28 в прошлом году возросло до 200 в нынешнем году. Вместо 2 прошлогодних курсов программа охватывает сейчас 11 курсов.

11 курсов, которые студентам придется пройти, распределяются следующим образом: четыре — педагогических, один — литературная и искусство, три — филологических, один — экономической политики, один — психологический и специальный курс русского языка. Кроме того имеется повышенный семинар для преподавательского состава. Каждый курс рассчитан на 60 час.: 20 час. — лекции и беседы, 10 час. — самостоятельное чтение с консультацией и 30 час. — экскурсии по курсу.

К чтению лекций приглашены виднейшие профессора. Занятия по педагогическим наукам будут вести тт. Пинквич, Савидковский и Геллерштейн; по экономической политике — проф. Смит, по советскому праву — проф. Брусиловский и Кутевский, по историческим основам коммунизма — Минц, ряд бесед проведут тт. Раден и Вильсонский.

Особенно велик интерес студентов к вопросам советской литературы и искусства. Курс литературы читает в институте т. Д. Мирский.

В качестве лекторов по вопросам искусства и литературы приглашены также тт. И. Маца, А. Лейтес и др.

СМЕХ В КОЛХОЗЕ

Эта книга — замечательна одним уже фактом своего появления. Это первая и единственная в мире книга такого рода. Она могла появиться только в Советском союзе и только в наше время.

В книге-альбоме собраны карикатуры селькоров-художников. Мастерство и художественная грамотность придут скоро, в этом нет никакого сомнения, тому порукой сила и свежесть нынешнего, еще весьма не совершенного рисунка. Важнее то, что выступила в поход против всех пережитков капитализма в сознании деревенского жителя первый отряд сельских сатириков-художников. О значении сатиры в борьбе с этими пережитками, как и в борьбе с ежечасными представителями капитализма, распространяться не приходится.

Смех — сильнейшее оружие в этой травле негодного, старого, вредного, классово чуждого, к которой призвал Ленин советскую печать.

В метком и остром, часто грубоватом слове не ощущала недостатка

в рисунке очень метко вскрывает кулацкую основу лодыричества. Крестьянин сидит, сложа руки, на пне, к нему подходит кулак.

Кулак. Ну, Титыч, сколько ты мне помог нынче.

Лодырь. Да ведь, Елизар Кузьмич, как же я тебе помогал? И же все лето на этом пне просидел.

Кулак. Вот этим-то и помог. Хищение колхозного хлеба отразилось в целом ряде остроумных и выразительных рисунков. Не всегда они сатиричны. Иной раз они больше дидактичны. Молодые сатирики не всегда усваивают различие между получением и вымыслом. Селькор Варламов (Средняя Волга) дает очень сильный рисунок, изображающий талантливую работу, но сатирический элемент бледен (см. рис.).

Больше всего и острее всего бьет колхозная художественная сатира по лодырям, по нарушителям колхозной дисциплины, по сельским бюрократам, по производственной и бытовой

рикартура колхозников разнообразна, во многих случаях попадает в самое большое место. Художники знают колхозную жизнь и поэтому находят соответствующие в каждом случае образы. Источником сатиры является в большинстве случаев не газета, а непосредственно наблюдаемая жизнь. Это выгодно отличает несовершенную карикатуру колхозных карикатуристов от несравненно более высокой по мастерству своему городской карикатуры. У наших признанных мастеров карикатуры нехватает смелости и рядом непосредственного источника для свежего образа. Некоторые сосут из пальца, повторяя самих себя, повторяя становящиеся шаблонами образы. И надо отметить попутно, что слабее и у колхозных карикатуристов те рисунки, где слишком ясно чувствуется подражательность яркости городской.

В сожаление, редакция альбома не снабдила его краткими сведениями о представленных в альбоме колхозных художниках: кто они? возраст?

Рисунки селькора Варламова

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Карташева

В районе усиливается хищение урожая. Недобитый кулак привлекает к этому делу и детей

Рисунки селькора Варламова

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

На своем месте

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Рисунки селькора Б.рбарача

Хозяйские болячки

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Рисунки селькора Карташева

Р